

Глобальные проблемы международных отношений в контексте формирующегося многополярного мира

Олег КАРПОВИЧ

Руководитель Центра сравнительно-правовых исследований Института США и Канады РАН,
профессор, доктор политических наук
iskran@yahoo.com

Современный мир переживает эпоху глобальных изменений. Нынешняя политическая действительность «все больше определяется глобальной политической нестабильностью, в которую мир перешел в результате эрозии Вестфальской системы. На фоне ее распада и хаотизации международных отношений происходит формирование нового миропорядка, основанного на принципах многополярности»ⁱ. При этом система международных отношений становится все более анархичнойⁱⁱ. Наблюдается нарастающий кризис идеи «демократического мира» - стержневого концепта эпохи однополярностиⁱⁱⁱ.

Темпы и скорость глобальных изменений непрерывно растут: всего один год потребовался западным политтехнологам для того, чтобы превратить спокойную и процветающую Северную Африку, некоторые страны которой (в частности, Тунис) по уровню жизни практически ничем не отличались от южных департаментов Франции, в очаг жесточайшей гражданской войны, международного терроризма и радикального исламизма. Теперь такая же участь ждет Сирию, а вместе с ней и весь Ближний Восток, включая главного непримиримого оппонента США - Иран.

Создается впечатление, что сегодня эрозии подвергаются сами основы Вестфальской системы, разрушаются платформы и механизмы, которые на протяжении многих десятилетий служили делу поддержания мира и политической стабильности, сохранению баланса между различными силами и группами интересов в глобальной политике. Сегодня все это стремительно распадается на отдельные фрагменты под натиском правового нигилизма, двойной морали и «управляемого хаоса».

В образовавшийся вакуум стремятся проникнуть силы, которые долгое время выступали идейными противниками демократического мира с его универсальными общечеловеческими ценностями: политические экстремисты и радикалы, террористы, исламисты всех мастей, националисты и, наконец, на примере Украины - неофашисты.

Многие годы на пути этих сил стояли международные организации, возникшие после окончания Второй мировой войны и призванные не допустить ее повторения, а также светские режимы Ближнего Востока и Африки, которые вели непримиримую борьбу с исламскими радикалами, Советский Союз и социалистический лагерь, которые поддерживали мировой баланс.

Сегодня Советского Союза нет, НАТО переключилась на задачи глобального управления. СФРЮ в результате распада превратила Балканы в «пороховой погреб» Европы, а возможно, и всего мира. Устоявшуюся за многие десятилетия систему государственного управления в арабских странах смели «цветные революции» «арабской весны», погрузив регион в вооруженный хаос, в котором американцы пытаются выстроить новую архитектуру международных отношений, близкую к их идеалам североамериканского «демократического мира». Технологии «цветных революций», отработанные в Ливии и Сирии, переброшены на Украину, стоящую на пороге гражданской войны по югославскому или ливийскому сценарию.

Однако, даже сталкиваясь со все новыми и новыми глобальными проблемами и вызовами, мы по-прежнему в большинстве своем остаемся неисправимыми оптимистами: несмотря на полный хаос в международных отношениях, называемый некоторыми политиками «управляемым», продолжаем верить в то, что мир, стремительно погружаясь в пучину конфликтов и войн, все-таки меняется к лучшему. Вот и сегодня в сознании многих граждан продолжает жить миф о том, что с окончанием холодной войны мир завершил свое существование в рамках конфликтной парадигмы и перешел на новый, более высокий и качественный уровень своего развития, характеризующийся снижением конфликтности во всех без исключения регионах мира.

Глобальные проблемы международных отношений в настоящий момент связаны в первую очередь с

тремя основными факторами:

- нарастающей хаотизацией международных отношений, тесно смыкающейся с «цветными революциями» на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а с недавнего времени - и в Украине;
- международными конфликтами, которые ООН разрешить не в состоянии;
- борьбой с сетевыми формами международного терроризма и афганским наркотрафиком, являющимся одновременно и источником ресурсов для террористических организаций, и фактором, который США активно используют для ослабления своего стратегического конкурента - набирающего мощь Европейского союза.

Одной из наиболее острых глобальных проблем развития человеческой цивилизации в свете событий на Ближнем Востоке и продолжающегося кризиса в Украине становится волна хаоса, охватившего регионы, который Соединенные Штаты считают «управляемым» и видят в нем новый инструмент демократизации современного мира, а остальные страны, включая Россию, рассматривают этот процесс как всеобщее бедствие и надвигающуюся глобальную катастрофу.

«Управляемый хаос», охватывающий все большие территории на волне «цветных революций» «арабской весны» и Евромайдана, гомогенизирует структуру традиционных обществ, разрушая общинный уклад и превращая общество в набор «вброшенных в него» индивидуумов, лишенных защиты общины и институтов гражданского общества от любого внешнего деструктивного воздействия.

На волне «управляемого хаоса» происходит взлом и разрушение исторически сформировавшихся в регионах систем и механизмов коллективной безопасности, существующих балансов сил. В образовавшийся вакуум приходят не демократы и либералы, а националисты, неонацисты (как в Украине) и исламисты, в том числе радикальные. Для системы международных отношений создается глобальная проблема, настолько подрывающая фундаментальные основы существующего миропорядка, что возникает вопрос о самом ее дальнейшем существовании.

С «управляемым хаосом» тесно связана глобальная проблема управления международными конфликтами. Задача урегулирования и разрешения международных конфликтов не теряет в современных условиях своей актуальности, напротив, сегодня мы отчетливо видим, как в результате осуществляемого Соединенными Штатами сознательного демонтажа Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства рушится вся система международной безопасности, мир стремительно погружается в хаос больших и малых войн, этнополитических и религиозных конфликтов.

Как показала война в Ливии и демонстрирует сейчас вооруженный конфликт в Сирии, в условиях обостряющейся борьбы мировых лидеров за власть региональные конфликты с легкостью перерастают свои начальные рамки и выливаются в более масштабные столкновения, вплоть до глобальных войн.

Деятельность США, их партнеров (НАТО, Саудовская Аравия, Катар) по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный уровень. При этом в большинстве стран, во внутренние дела которых США вмешиваются в роли «миротворца», они делают ставку на те самые политические силы и режимы, которые во всем мире принято называть «террористическими» и «экстремистскими», и сотрудничают с ними.

Так, в Афганистане США активно сотрудничают с талибами (на уровне самых настоящих партнерских отношений), а в гражданской войне в Ливии решающую роль в уничтожении армейских частей, верных Каддафи, сыграли боевые отряды «Аль-Каиды», стоявшие на острие удара, нанесенного совместно силами НАТО и мятежников. И сейчас среди полевых командиров так называемой объединенной сирийской оппозиции не менее половины - руководители боевых ячеек «Аль-Каиды», вышедшие из подполья, в которое их загнал Президент Башар Асад. В конфликте в Украине на стороне неонацистов, пришедших к власти, выступают наемники из американских частных военных компаний и все те же исламисты, которым все равно, где воевать против России.

Вместе с тем необходимо отметить, что современные международные конфликты и кризисы оставляют ведущим мировым лидерам, осуществляющим миротворческую деятельность, все меньше возможностей для применения сугубо военных решений.

В связи с этим на передний план внешней политики мировых лидеров выдвигается «мягкая сила»^{iv}, о которой все чаще говорят в российских политических кругах. В настоящее время ко многим приходит понимание того, что в условиях нарастающей политической нестабильности и погружения мира в «управляемый хаос» только «мягкая сила» и может быть эффективной. Кроме того, «мягкая сила» - это

одновременно и инструмент великих держав, которым могут владеть только признанные или состоявшиеся лидеры, и индикатор, позволяющий судить о том, является ли данное государство мировым лидером или только делает вид.

По мнению российского дипломата А.В.Будаева, «мягкая сила» «в современной мировой политике играет все более заметную роль, которая непрерывно возрастает с изобретением новых способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия на международное сообщество, властные мировые элиты и правительства национальных государств. Возникнув как стержневой концепт школы американского политического либерализма, «мягкая сила» оказала существенное влияние на формирование внешней политики США в Афганистане, Ираке, государствах Центральной Азии, Восточной Европы, породив концепции «демократического мира», «экспорта демократии» и сформировав иррациональное (идеалистическое) направление американской внешней политики. Такие технологии американской «мягкой силы», как «цветные революции», известным образом проявили себя в странах европейского типа и традиционных государствах Азии, Африки, Ближнего Востока, став ядром сценария революций «арабской весны» - технологий внешнего управления регионом в условиях политической нестабильности и нарастающего кризиса»^v.

Как справедливо отмечает российский дипломат, «в российской Концепции внешней политики»^{vi} «мягкая сила» появилась лишь в 2013 году, пополнив арсенал инструментов отечественной дипломатии. Между тем в этой трактовке «мягкая сила», скорее, совпадает с американским определением публичной дипломатии и собственного звучания пока не приобрела. Все это требует уточнения и конкретизации российской концепции «мягкой силы», поскольку копирование западных шаблонов может привести к потерям в российской внешней политике»^{vii}. С этим мнением трудно не согласиться.

Борьба с международным терроризмом остается глобальной проблемой для всего человечества, которая становится особенно актуальной в связи с выводом из Афганистана Международных сил содействия безопасности (ISAF) в 2014 году.

Основная проблема, как нам представляется, кроется в том, что в вооруженном противостоянии с североамериканским глобальным неоимпериализмом международный терроризм за десять лет войны в Афганистане не только не потерпел сокрушительного поражения, но, наоборот, окреп и усилился благодаря процессам конфликтной мобилизации и окончательно сформировался в виде транснациональных террористических сетей.

Можно с уверенностью говорить о том, что в борьбе с американским неолиберализмом, стремившимся повсеместно насаждать североамериканские демократические ценности, прежде разрозненные и противостоящие друг другу радикальные исламистские организации и движения на Ближнем Востоке, в Африке и Западной Азии осознали общность своих целей, интересов и ценностей и окончательно сплотились на конфедеративной основе^{viii}. Именно с этим результатом более чем десятилетнего пребывания США в Афганистане придется многие годы разбираться государствам Центральной Азии^{ix}, России, Индии, Европейскому союзу.

Сегодня странно осознавать, что еще десять лет назад международный терроризм воспринимался как миф, сконструированный и распропагандированный Вашингтоном для того, чтобы оправдать вторжения в Ирак и Афганистан. Действительно, вся его сила держалась на фобиях, внедренных в сознание американских граждан и связанных с одним единственным человеком - Усамой бен Ладеном. Возглавляемая им террористическая организация «Аль-Каида» (Скала) представлялась американцам глобальной террористической сетью, обладающей неисчерпаемыми ресурсами и способностью дотянуться до каждого гражданина США, хотя в реальности таковой не являлась.

Образ «Аль-Каиды» был в чем-то списан Вашингтоном с устойчивых образов нью-йоркской и сицилийской мафий, укоренившихся в американском и европейском сознании и неизменно вызывающих реакцию панического страха, возникающую на уровне рефлексов. Такое внимание американских пропагандистов к «Аль-Каиде» и ее лидеру сделало эту организацию одной из самых популярных среди радикальной исламской молодежи и позволило ей создать свои представительства и ячейки во многих мусульманских странах (в том числе даже одно «официальное» - в Катаре), сформировать на их базе вооруженные отряды из местных национальных элементов, которые затем приняли участие во всех революциях «арабской весны», воевали во главе со своими полевыми командирами против Каддафи, поддерживали туарегов во время их восстания в Мали, а сегодня воюют против Башара Асада, выступая на стороне мятежников из так называемой Свободной армии Сирии.

Пока еще точно не ясно, собираются ли американцы полностью уйти из региона или «уйти так, чтобы остаться». Фактические данные позволяют говорить о вероятности и того и другого сценария.

Так, Б. Обама неоднократно заявлял, что к концу 2014 года в Афганистане не останется ни одного солдата армии США. Вероятно, он это обещание выполнит, но выполнит буквально: под «армией США» в Пентагоне понимают аналог наших Сухопутных войск. Ни отдельный Корпус морской пехоты, ни подразделения (полки, бригады, дивизии) Министерства внутренней (или, как еще его называют, - национальной) безопасности, ни ВВС в эту категорию не входят.

В частности, 10-я горная дивизия, оперирующая в горных районах Афганистана и входящая в состав подразделений, подчиненных Министерству внутренней безопасности США, остается за рамками обещаний, данных Б. Обамой.

Не входят в число военнослужащих армии США и многочисленные контингенты частных военных компаний (таких, как «Х-Team», ранее носившая более известное название «Black Water»), на долю которых приходится более половины всех военных операций против талибов в Афганистане и партизан в Ираке: эти современные наемники, удачно скрывающиеся под легендой частных военных компаний, вообще не являются комбатантами, это коммерсанты и бизнесмены, которые уйдут из страны только тогда, когда им будет выгодно. Вполне возможно, что какая-то часть данных контингентов останется в Афганистане и после 2014 года, включая подразделения Корпуса морской пехоты, которым Президент США может распоряжаться по своему усмотрению, без согласования с Конгрессом.

После вывода американских войск возникнет две проблемы, которые уже сейчас привлекают внимание всего мирового сообщества, кроме США: что делать с наркотрафиком и куда девать талибов, которых никто уже не будет сдерживать. И то и другое значительный ресурс, который после ухода американцев станет временно бесхозным и который многие политические силы были бы не прочь заполучить. Вполне вероятно, что Афганистан находится на пороге новой войны - за «американское наследство».

После 2014 года талибы лишатся главной цели своей борьбы - истребления американцев, которые станут в Афганистане экзотическим и дефицитным товаром. Дальнейшая активность талибов будет направлена против правительства Карзая, который, являясь ставленником Вашингтона, не сможет долго удерживать власть: Карзай, получивший образование в Индии, по происхождению пуштун, но пуштуны его не поддерживают. После неизбежного падения «демократического режима» Карзая рухнут не только последние надежды на строительство либерально-демократического государства в Афганистане (по североамериканскому шаблону), возникнет вакуум в отношении целей, на которые будет направлена дальнейшая экспансия талибов.

Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что талибы ограничатся в своей «исламско-просветительской деятельности» границами собственного национального государства. Следовательно, для США сейчас главное - куда-нибудь талибов пристроить, занять их новым делом, причем желательно подальше от границ своего союзника Пакистана, который не без оснований опасается за свою территориальную целостность: талибы по своему национальному составу в основном пуштуны, а в Пакистане пуштунов проживает больше, чем во всем Афганистане, и многие из них одержимы идеями создания собственного национального государства - Пуштунистана.

При этом мы не говорим уже о том, что их необходимо отвлечь от возвращения к идее террористических атак на территорию Соединенных Штатов, которая утратила свою актуальность после уничтожения американцами основных баз «Аль-Каиды» в первые два месяца после вторжения в Афганистан.

Поэтому неслучайно, что США, формально продолжающие вести непримиримую войну с террористами, на деле стремятся выстраивать с талибами партнерские отношения, откупаясь таким образом от атак на свои военные базы в Афганистане, или формировать из вооруженных отрядов региональных ячеек «Аль-Каиды» в Ливии, Сирии и Египте штурмовые отряды, воюющие против алавитского режима Башара Асада. Видимо, идея переключить военную экспансию талибов на неугодные США режимы в Сирии и других странах Востока популярна в администрации Президента Б.Обамы.

Против угрозы со стороны движения «Талибан» Россия и государства Центральной Азии стремятся создать барьер в виде ОДКБ^х, имеющей собственные вооруженные силы, предназначенные для отражения угроз региональной безопасности. В Душанбе дислоцируется 201-я дивизия ВС России, в которой руководство Таджикистана видит единственную силу, способную остановить военную агрессию

исламистов (если они перейдут таджикско-афганскую границу) или очередную «цветную революцию». Однако если афганский исламизм, подпитанный живой силой из других «горячих» точек Северной Африки и Ближнего Востока (Ливия, Сирия, Мали, ЦАР), двинет свои силы в Центральную Азию, это станет серьезной проблемой даже для объединенной группировки ОДКБ. Именно поэтому России в целом выгодно, чтобы США как можно дольше оставались в Афганистане, сдерживая тем самым напор и экспансию исламизма у границ СНГ.

Не менее опасна угроза, исходящая от талибов, и для Пакистана ядерной державы, с 2007 года балансирующей на грани распада. Дело в том, что значительная часть талибов - это пакистанские пуштуны из Кашмира. Ввод американских войск в Афганистан на время снизил остроту этой угрозы для пакистанского правительства - война против антитеррористического альянса США и других западных стран оттянула данный контингент в Афганистан, в зоны боев и диверсионной войны против «крестоносцев». Пакистан справедливо опасается того, что после ухода США из Афганистана пакистанские пуштуны начнут возвращаться в Кашмир и это приведет к дестабилизации обстановки в регионе, в котором продолжает тлеть неурегулированный территориальный конфликт с Индией.

Вместе с тем руководство Пакистана довольно отчетливо понимает, что после ухода американцев «Талибан» станет в Афганистане единственной силой, которая способна взять на себя управление государством (на Карзая не делают ставку даже Соединенные Штаты: сколько продержится - столько продержится) и с которой придется иметь дело. В этих условиях Пакистан пытается найти приемлемую форму взаимодействия с талибами, видя в них будущих хозяев Афганистана.

Подтверждением этого заключения может служить тот факт, что в течение последнего года пакистанцы выпустили по амнистии из тюрем не менее двух десятков видных деятелей «Талибана», многие из которых отбывали пожизненное заключение за террористическую деятельность.

Второй проблемой, как мы уже говорили, остается проблема афганского наркотрафика, того самого, который процветал в Афганистане в период войны талибов с Северным альянсом, был практически искоренен (вопреки распространенному мнению) талибами после захвата Кабула и блокирования отрядов Масуда в его родном Панджшерском ущелье и получил «вторую жизнь» при американцах, возродивших на подконтрольных территориях этот афганский «народный промысел».

Многие исследователи отмечают, что за период американского военного присутствия афганский наркотрафик увеличился фактически в два раза. Причины этого явления понятны: для продолжения войны нужны деньги, которые в Афганистане с его полностью разрушенной экономикой, промышленностью и сельским хозяйством можно получить только за счет производства и сбыта наркотиков. В аспекте данной проблемы и российскими, и зарубежными экспертами неоднократно высказывалось предположение, что США сознательно патронировали производство наркотиков в Афганистане, получая от этого прибыль, которую пускали на финансирование военной кампании против талибов. Талибы же, в отличие от американцев, реально пробовали бороться с наркотрафиком - ислам запрещает потребление правоправными наркотиков (за исключением медицинских целей), это харам. Однако и они особого успеха в этом не достигли (или довести дело до конца не захотели), хотя и уничтожили довольно большое количество посевов.

Куда пойдет наркотрафик после вывода американцами своих войск из Афганистана? Реализацию каких целей и что конкретно он будет финансировать? Военную машину талибов? Эти вопросы остаются открытыми и предоставляют широкий простор для дискуссий.

США афганский наркотрафик после 2014 года станет малоинтересен: афганские наркотики в США не попадают, у североамериканцев есть другие каналы транзита - из Латинской Америки через мексиканскую границу. Причем на этом маршруте действуют транснациональные картели, образовавшиеся в результате успешного сращивания американской организованной преступности (ню-йоркской мафии, и не только) с латиноамериканскими преступными синдикатами, занимающимися, помимо наркоторговли, еще и нелегальной миграцией.

Но проблема афганского наркотрафика беспокоит европейских союзников США: афганские наркотики идут через государства Центральной Азии на Балканы, в Косово, и уже оттуда расходятся по всей Европе. Все это побуждает европейцев убеждать американцев оставить в Афганистане ограниченные силы, основной целью которых будет профессиональная борьба с наркотрафиком, осуществляемая совместно с тем режимом, который придет на смену правительству Карзая, - даже если этот режим установят талибы.

Для России, так же как и для объединенной Европы, афганский наркотрафик относится к разряду первоочередных проблем, выходящих за рамки регионального масштаба. В то же время на пути потока афганских наркотиков стоят центральноазиатские государства, с которыми России необходимо укреплять сотрудничество в борьбе с наркотрафиком.

Очевидно, что усилиями одной группы стран эту проблему не решить - необходимо объединение усилий всех демократических государств, с тем чтобы создать евразийскую систему пресечения наркопотоков, а также решить вопрос о ликвидации баз и перевалочных пунктов афганского наркотрафика на Балканах. Отметим, что этот вопрос долгие годы остается «замороженным» благодаря признанию Косова и формированию на его территории усилиями НАТО государства.

Кроме того, необходимо восстанавливать экономику Афганистана и заново «прививать» его жителям мирные профессии. При этом следует учитывать, что уже два поколения его граждан родились и выросли в условиях войны и их психика глубоко перестроена на военный лад, в котором право сильного дает и заработок, и положение в обществе.

Предстоит также развивать экономику центральноазиатских государств, снимать ее зависимость от тех доходов, которые (косвенно) дает наркотрафик или причастность к нему, разрушать всю ту сложную и многоуровневую систему региональных экономических отношений, которая сложилась в регионе (включая Пакистан, Центральную Азию, Афганистан) на базе доходов, получаемых от производства наркотиков и их транзита в Европу.

В заключение хотелось бы отметить, что мир вступил в длительный период глобальной нестабильности, в котором основной формой существования системы международных отношений становится «управляемый хаос», а прежние методы реализации внешней политики теряют свою эффективность.

В этой новой реальности Россия находится на пересечении интересов ведущих мировых сил, стремящихся к мировому господству, - США, Китая, исламского мира (как суннитского, так и шиитского) и др. При этом миролюбивая политика России не устраивает никого: слишком важное геополитическое положение наша страна занимает в Евразии, самим фактом своего существования мешая реализации захватнических планов и стратегических замыслов нарождающихся новых мировых агрессоров.

Именно поэтому Россия сегодня испытывает колоссальное внешнее давление как со стороны Запада (США, НАТО) - по Сирии и Ирану, так и со стороны Востока (Саудовской Аравии, Японии и т. д.), которым жизненно важно, чтобы Россия не проводила собственный независимый внешнеполитический курс, а позволила бы послушно встроиться в кильватер западной или восточной политики.

Все чаще на Западе звучат слова о том, что новая демократическая Россия - нежизнеспособное государство, что она всегда будет находиться в оппозиции к мировой политике и истинно демократическому прогрессу, что для всей западной цивилизации было бы несравнимо лучше и полезнее, если бы Россия была расчленена на два десятка удельных княжеств, в которых демократические ценности точно победили бы. А Сибирь с ее огромными ресурсами, которой Россия владеет в одиночку и ни с кем не делится, вообще должна стать достоянием всей мировой (то есть западной) цивилизации. И это не пустые слова: создание вокруг России пояса политической нестабильности и окружение ее границ глобальной системой ПРО явно указывают на то, что США и НАТО готовы перейти от слов к делу, как только выпадет подходящий момент и повод для вмешательства.

В этих условиях России требуется не просто модернизированная внешняя политика, выверенная под конкретные условия глобального развития, а полная модернизация существующих внешнеполитических концепций и доктрин, принципов поиска и формирования новых союзов и альянсов, политика гибкого использования ресурсов реальных и потенциальных союзников, переоценки приоритетов и ориентиров, выработка новых методов воздействия на противостоящие России альянсы.

Это тем более необходимо, поскольку сегодня Россия в своей позиции отстаивания мира в Украине осталась, по сути, в одиночестве: единственным союзником в противостоянии позиции Запада является Китай.

В системе новых инструментов внешней политики России достойное место должны занять технологии российской «мягкой силы» и национальные модели противодействия «цветным революциям». Для этого у России есть мощный ресурс влияния - ее ценности, привлекающие внимание не только всего славянского мира, но и других цивилизационных общностей. Неслучайно Президент Российской Федерации В.В.Путин в Послании Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года подчеркнул, что «в мире все

больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»^{xi}.

Мы разделяем мнение тех отечественных исследователей, политиков и дипломатов, которые считают, что основные усилия по модернизации внешней политики России должны быть направлены на поддержку процесса выработки и принятия внешнеполитических решений российским руководством и теми участниками международных отношений, которые разделяют позицию и взгляды Российской Федерации на события в мире.

Помимо этой задачи, модернизированная внешняя политика России должна включать механизмы формирования и трансляции на зарубежные целевые аудитории позитивного образа России, информационной и аналитической поддержки внешнеполитического курса страны и проводимых Россией внешнеполитических акций, включая государственную систему содействия развитию в России гражданского и информационного общества.

Только в этом случае внешняя политика России объединит вокруг себя все прогрессивные силы, заинтересованные в будущем России как великой державы, и станет платформой для генерации передовых идей гармонизации международных отношений и процессов глобального развития, дав новый импульс развитию теории международных отношений и отечественной политической науки в целом.

В перспективе на базе российской внешнеполитической концепции, национальной культуры и идеологии должно быть сформировано авторитетное экспертное сообщество в сфере международных отношений и глобального развития, представленное различными акторами международных отношений: государствами и международными организациями, а также субъектами публичной дипломатии. Это позволит международному сообществу получать полное, объективное освещение происходящих в мире событий международного значения, их всестороннюю научную, аналитическую и экспертную оценку, выявлять и исследовать тенденции развития глобального мира, формирования нового миропорядка, новой платформы и архитектуры международных отношений.

Ключевые слова: Россия, США, Украина, Сирия, Афганистан, международные отношения, политика, национальные интересы, глобальные проблемы, международные конфликты, безопасность, «цветные революции», «управляемый хаос».

ⁱ Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): Автореф. дисс. М.: ДА МИД РФ, 2014.

ⁱⁱ Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics // International Organization. Vol. 46. №2. Spring 1992. P. 391-425.

ⁱⁱⁱ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. №3.

^{iv} См.: Nye Joseph S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.

^v Будаев А.В. Указ. соч.

^{vi} Концепция внешней политики Российской Федерации // http://www.mid.ru/brp_4.nsf70/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

^{vii} Будаев А.В. Указ. соч.

^{viii} Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане // Национальная безопасность / Notabene. 2012. №3. С. 76-81.

^{ix} Николаев С.А. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.) // Международная жизнь. 2011. №2.

С. 27-44.

^x Там же.

^{xi} Послание Президента России В.В.Путина Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. // <http://www.kremlin.ru/news/19825>